

© 2004 г.

А.С. ГОТЛИБ, О.Н. ЗАПОРОЖЕЦ, Г.Р. ХАСАЕВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПУБЛИЧНЫЕ И ПРИВАТНЫЕ ПРАКТИКИ

ГОТЛИБ Анна Семеновна, ЗАПОРОЖЕЦ Оксана Николаевна - кандидаты социологических наук, доценты Самарского государственного университета. ХАСАЕВ Габидулла Рабаданович - доктор экономических наук, первый заместитель председателя, министр экономического развития, инвестиций и торговли правительства Самарской области.

Адаптация россиян к меняющейся социально-экономической реальности остается актуальной проблемой российской социологии. Эмпирические исследования этого процесса зачастую "выхватывают" какой-то временной промежуток периода кардинальных преобразований. Кроме того, эмпирическому анализу чаще всего подвергается определенный спектр тактик (стратегий) адаптивного поведения, использующих или институциональные формы, готовые и вновь созданные, существующие в экономическом пространстве российского общества [1], или "домашние", преимущественно неформализованные [2]. Для осмысления реальной сложности процесса адаптации необходима научная рефлексия *всего спектра* разнообразных адаптивных практик в их взаимосплетении и взаимообусловленности. Исследование социально-экономической адаптации, проведенное авторами статьи по заказу администрации Самарской области в 2002-2003 гг. в рамках мониторинга (с 1999 г.) и было нацелено на дальнейший анализ в этом направлении.

Остановимся кратко на *методологических посылках* нашего исследования (подробнее см. [3]). В отечественной социологии существует точка зрения (Л.А. Гордон), в соответствии с которой социальная адаптация рассматривается "как процесс психологического и поведенческого освоения *меняющегося типа целостной системы общественных отношений (адаптация к новому строю)*" [4, с. 4]. Вместе с тем, на наш взгляд, сегодня в России в условиях "устойчивой переходности", "заряженной" нестабильностью, неопределенностью развития, когда новый целостный тип общественных отношений существует лишь как некая идеальная модель, методологически корректнее другой подход. В нашем исследовании социальная адаптация понималась как *процесс психологического и поведенческого освоения индивидами того социального пространства, которое реально формируется сегодня во всей его противоречивости и обусловленности национальным, историческим и прочими контекстами.*

*Освоение*¹ имеет много коннотаций: принятие, овладение, использование, подчинение себе меняющейся социальной ситуации, превращение ее в "свою". Освоение здесь предполагает и *знание способов "принорования"* (может быть, смутное, неопределенное, что вообще характерно для повседневного знания), и *определение* конкретной жизненной ситуации как *проблем-*

* Исследование проводилось методом полуструктурированного интервью в его жестком формате. Объектом исследования выступало все население Самарской области, работающее и неработающее. Всего было опрошено 1200 человек, отобранных методом многоступенчатой выборки, где на последней ступени использовался квотный отбор по следующим признакам: пол, возраст, образование.

ной, нуждающейся в изменении, требующей своего решения, побуждающей к определенным действиям ("надо что-то делать")². Такая ситуация является стимульной, если под стимулом понимать побуждающие к действию факторы наличного бытия, непосредственные объективные обстоятельства, имеющие продолжение во внутренних побуждениях (мотивах) индивида.

В исследовании мы делали акцент на поведении, реальных практиках освоения меняющегося социально-экономического пространства при изучении меры "вписанности" тех или иных групп населения в иные, становящиеся условия. Большинство эмпирических исследователей делают акцент на "субъективных" показателях: готовности сменить профессию, повысить квалификацию, получить новую работу; оценке социального самочувствия, уверенности в будущем [5, с. ПО], принятия новых ценностей и норм, признание или непризнание их неизбежности [4, с. 5]; оценке приобретений и потерь, связанных с важными жизненными потребностями и целями в ходе приспособления к новой ситуации [6, с. 268-271], самооценке своей адаптированности [7, с. 56] и др. По нашему мнению, и тут мы согласны с Л.В. Корель [8, с. 26], в бифуркационных средах (а российская социальная среда именно такова) адаптирующиеся субъекты прежде всего поведенчески реагируют на изменение среды. В то же время социальные установки, стереотипы, ценностные представления сохраняются прежними еще относительно долгое время.

Еще одна грань нашего методологического подхода - выделение двух групп поведенческих адаптивных практик: публичных и частных. Само использование этих терминов непривычно для современной экономической социологии, использующей другую оппозицию: формальные — неформальные практики. Последняя акцентирует прежде всего юридическое (формальное) закрепление весьма разнородных практик или отсутствие такового [9, с. 12], что применительно к нашей исследовательской задаче не имеет особого значения. Более того, мы склонны согласиться с И. Олимпиаевой и О. Паченковым в том, что «многообразие феноменов, подпадающих под термин "неформальная экономика", делает невозможным его использование в качестве корректной исследовательской категории» [9, с. 13].

Мы полагаем, что оппозиция публичное - частное, схватывающая разделение между институциональными областями: частной сферой домохозяйства и публичной коллективной (общественной) сферой, в большей степени соответствует нашему видению процесса социально-экономической адаптации. К публичным адаптивным практикам нами были отнесены те, которые осуществляются в общественной сфере, независимо от их формальности-неформальности, а к частным - практики в сфере домохозяйства. Конечно, в группе публичных практик преобладают институционализованные, формально закреплённые на рынке труда, в сфере экономики в целом; точно так же в группе частных преобладают неформальные практики. Вместе с тем и в той, и в другой группе всегда присутствуют, правда, в меньшей степени, адаптивные практики с "обратным знаком" по критерию формальность-неформальность.

В спектр публичных практик были включены следующие: поиск новой работы, открытие своего дела, смена профессии (приобретение новой востребованной), поиск дополнительной работы, получение образования с целью приобретения новой профессии, повышение интенсивности труда на рабочем месте. При этом был важен сам факт наличия или отсутствия этих практик, независимо от их результативности: искал работу (но не обязательно нашел ее); делал попытки открыть свое дело (но не обязательно открыл его) и т.д. На наш взгляд, попытки "ответить" на "вызовы среды", поведенчески реагировать на ее изменения безотносительно к результату этих попыток включены в адаптивный механизм "вписывания" в нее.

Частными в нашем исследовании считались домашние "производительные" (назовем их так) адаптивные практики - выращивание фруктов, овощей на приусадебных участках; собиравательство; рукоделие; охота; разведение домашнего скота, пчел, производство утвари, мебели, а также и различные практики минимизации расходов, экономии средств.

Остановимся последовательно на публичных и частных механизмах социально-экономической адаптации населения Самарской области. Для изучения этого процесса в публичной сфере нами был использован типологический анализ как одна из наиболее продуктивных исследовательских стратегий в рамках классического социологического исследования [10]. Были выделены типологические группы, различающиеся мерой и успешностью адаптированности жителей нашей области к трансформирующемуся социально-экономическому пространству. В качестве типобразующих признаков выбраны следующие: а) наличие (или отсутствие) публичных адаптивных практик; б) уровень материальной обеспеченности в ее субъективной форме, т.е. отнесение себя респондентом к той или иной группе: полностью обеспеченных, обеспеченных почти полностью, более или менее обеспеченных, малообеспеченных, бедствующих-

щих. Выбор именно этих типобразующих признаков был обусловлен двумя обстоятельствами: с одной стороны, принятым в исследовании теоретическим видением процесса адаптации; с другой, - пониманием того, что, при широком спектре целей адаптивного поведения, стремление достичь *определенного материального статуса* в кризисной ситуации - достаточно универсальная цель, характерная для абсолютного большинства населения страны.

На наш взгляд, именно *оценка своего материального положения*, вбирающая в себя и степень удовлетворения собственных запросов и притязаний, и представление о социальной норме, выступает *отправной точкой* в преобразовании конкретной жизненной ситуации в стимульную, побуждающую человека к дальнейшим действиям на рынке труда.

Использование этих типобразующих признаков в их сочетании позволило сконструировать 4 типологические группы: успешные адаптанты; неуспешные адаптанты; успешные дезадаптанты; неуспешные дезадаптанты. Анализ эмпирических данных позволил представить их реальные масштабы в Самарской области: успешные адаптанты - 46,8%; неуспешные адаптанты - 27,3%; успешные дезадаптанты - 13,3%; неуспешные дезадаптанты - 12,6%⁴. В целом по данным исследования более 70,0% опрошенных (общая совокупность успешных и неуспешных адаптантов) в течение последних 10 лет использовали различные способы освоения социально-экономического пространства. При этом для большей части адаптантов эти попытки оказались удачными: доля успешных адаптантов превышает долю неуспешных в 3,5 раза⁵.

Исследование показало, что картина, характерная для всего массива опрошенных, изменяется применительно к разным типам территорий Самарской области. Так, по доле *успешных адаптантов* резко "выбиваются" из общей картины Тольятти и сельские районы: в Тольятти их удельный вес в 1,3 раза *выше*, чем в среднем по массиву (59,3%), в то время как в сельских районах, напротив - в 1,4 раза *ниже* среднего для массива уровня (32,6%). Существенно различаются и доли *неуспешных дезадаптантов* в различных типах территорий: в Тольятти она в 2 раза меньше, чем в среднем по массиву и составляет 6,1%. В малых городах и сельских районах удельный вес данной группы (соответственно 20,4% и 21,0%) более чем в 1,5 раза превышает этот показатель по всему массиву опрошенных.

Главная причина такого положения - *неравенство условий* для реализации публичных адаптивных практик: известно, что в малых городах и сельских районах гораздо меньше возможностей для смены профессии, получения образования, поиска дополнительной работы и т.д. В то же время это говорит и о том, что деревня, население которой имеет самый низкий уровень адаптированности, выживает по-своему, используя не столько городские, преимущественно институционализированные формы, сколько традиционно сельские, связанные с ведением домашнего хозяйства. Это и неудивительно: даже более низкая, как правило, планка потребительских притязаний в деревне относительно города не может компенсировать гораздо более низкий объективный материальный статус. По данным нашего исследования, для 30,1% жителей крупных городов области среднемесячный доход на одного человека в семье не превышал прожиточного минимума (на период исследования он составлял по Самаре 2200 руб.), в то время как на селе эта группа составила 61,3%.

Исследование выявило *разную степень распространенности* публичных практик "вписывания" населения области в трансформирующееся социально-экономическое пространство в прошедшее десятилетие: *поиск новой работы* - 33,1%; *повышение интенсивности труда* на рабочем месте - 31,0%; *поиск дополнительной работы* - 30,8%; *смена профессии* - 21,8%; *получение образования для новой профессии* - 12,7%; *попытка открыть "свое дело"* - 9,2%.

Выявлены различия в *социально-демографических группах* населения области в применении адаптивных практик. Следует отметить, что и мужчины и женщины в равных долях осваивают большинство из них. При этом *поиском новой работы* занимаются преимущественно молодые и среднего трудоспособного возраста, имеющие разный уровень образования (практически в равной степени по группам), преимущественно жители крупных и средних городов. *Поиск дополнительной работы* ведут прежде всего жители крупных городов области с довольно высоким уровнем образования: наиболее интенсивно молодежь (практически каждый третий), менее интенсивно - люди среднего возраста (каждый четвертый) и совсем незначительно - пожилые, старше 60 лет (каждый десятый). *Пытались сменить профессию* преимущественно жители практически всех типов территорий (за исключением сельских районов) в возрасте от 18 до 45 лет. *Получали образование* для новой профессии каждый четвертый молодой человек, каждый шестой в группе 30-44, а также каждый двенадцатый в группе 45-59 лет. Эта практика характерна для достаточно образованных слоев населения, а также для жителей крупных и средних городов области. *"Открытие своего дела"* — преимущественно мужское занятие: среди мужчин ее популярность почти в 3 раза выше, чем среди женщин. Она также в

Распространенность публичных адаптивных практик в период с 1992 по 2003 гг.
(в % к числу опрошенных)

Адаптивные практики	1992-1994	1995-1998	1999-2003
Повышение интенсивности труда на рабочем месте	19,4	37,4	27,6
Поиск дополнительной занятости	18,6	38,5	24,0
Поиск новой работы	17,5	41,6	23,7
Смена профессии	10,5	32,7	14,3
Получение образования для приобретения новой профессии	5,0	25,9	8,6
Открытие своего дела	3,2	22,1	3,4

большей степени характеризует людей с высоким уровнем образования, преимущественно молодых и среднего возраста, жителей крупных городов и сельских районов.

Одна из задач исследования состояла в ретроспективном анализе динамики распространенности публичных практик в *различные периоды десятилетия общественных преобразований*⁶. Сегодня еще трудно выделить четко эти периоды, тем не менее отдельные важные переломные вехи, существенным образом повлиявшие на жизнь страны определить все-таки можно: 1992 год - начало либеральных реформ, акционирования и приватизации государственных предприятий, введение свободных цен; 1995 год - начало кризиса неплатежей, 1998 год - острейший финансовый кризис, в той или иной степени задевший практически каждого россиянина.

Исследование показало, что пик адаптивной активности пришелся на период 1995-1998 гг.: в этот временной промежуток доля тех, кто "кинулся" поведенчески осваивать меняющееся экономическое пространство, в 3-7 раз больше, чем в предшествующий период, и существенно больше, чем в последующие годы (табл. 1). Особенно значителен этот скачок для таких адаптивных практик, как "открытие своего дела" и "получение образования для приобретения новой профессии": удельный вес жителей области, осваивающих требуемые "правила игры", соответственно в 7-5 раз выше в этот период, нежели в предыдущий. Полученные данные, как нам кажется, подтверждают выводы М. Горшкова о том, что к началу 1995 г. к большинству российских граждан пришло осознание *устойчивости кризисного состояния общества*, когда основные его проблемы приобретают не временный, но долгосрочный характер [11, с. 81]. Этот феномен осознанной неотвратимости перемен, который отмечают многие исследователи [12], видимо, стал существенной характеристикой стимульной ситуации, подтолкнувшей людей к более активному осваиванию постсоветского экономического пространства.

Адаптируясь к изменяющейся социально-экономической ситуации, население не менее активно использует *приватные практики*. Резкое ухудшение материального положения, сопровождаемое ограниченными возможностями улучшить свою жизненную ситуацию на основе использования преимущественно институционализированных экономических каналов и/или индивидуальных ресурсов (востребованных данными каналами), вынудило многих россиян искать ответ на вопрос "что делать, чтобы выжить?" в окружающей их повседневности, обращаться к ресурсам домашнего хозяйства. Как отмечалось ранее, 55,8% жителей Самарской области с той или иной степенью успешности реализовывали практики адаптации в публичной сфере, и в то же время 49,4% - в частной.

Следует отметить, что подобные практики имеют двойное значение для утверждения рыночной системы хозяйствования [8; 9]: с одной стороны, они могут способствовать включению агентов в поле действия рыночной экономики, что происходит в случае освоения новых товарно-денежных отношений; с другой, - изолировать агентов от нее, приводя к натурализации и архаизации хозяйства. Такие практики, на наш взгляд, играют позитивную роль в ситуации несовершенства рыночного механизма, зародышевого состояния рынка труда. Во-первых, определенные неформальные экономические стратегии могут институционализироваться, становясь частью существующего экономического механизма, обогащая и развивая его. Во-вторых, они могут играть роль своеобразного "социального амортизатора", обеспечивая приемлемый для людей уровень жизни и тем самым предотвращая социальные взрывы.

Включенность частных практик адаптации в сферу товарной экономики
(в % от числа опрошенных, избравших определенный способ адаптации)

Вид частных практик	Производят только для себя	Производят на продажу	Могут продавать в случае необходимости	Всего
Приусадебное хозяйство	50,4	13,1	36,2	70,4
Собирательство	69,2	11,5	19,2	26,7
Рукоделие	71,4	13,3	15,3	20,1
Животноводство	10,9	40,0	49,1	11,3
Охота, рыбалка	51,9	7,4	40,7	5,5
Приготовление еды	39,3	28,6	32,1	5,7
Услуги	80,0	13,3	6,7	3,1

Среди частных практик адаптации среди жителей области наиболее распространены следующие: *выращивание овощей и фруктов в собственном приусадебном хозяйстве* (даче, огороде) - 70,4%; *собирательство* (сбор грибов, ягод и пр.) - 26,7%; *"рукоделие"* (шитье, вязание, изготовление домашней утвари, мебели и т.п.) - 20,1%; *разведение домашнего скота, пчеловодство* — 11,3%. Другие практики адаптации менее представлены: *торговля товарами или продуктами из своего приусадебного хозяйства* (7,8%), *приготовление пищи для себя/своей семьи или на продажу* (5,7%), *охота и рыбалка* (5,5%), *оказание мелких услуг* (ремонт, массаж, стрижка и пр.) (3,1%).

Важно было выяснить, являются ли указанные практики препятствием или, напротив, стимулом для становления рыночных экономических отношений? Рыночное хозяйство характеризуется прежде всего господством товарно-денежных отношений, поэтому возникает вопрос: превращаются ли созданные людьми продукты или услуги в товары, иными словами: попадают ли они в сферу действия рыночной экономики? Более внимательный анализ позволяет заметить, что *в большинстве случаев этого не происходит: как правило, соответствующие продукты или услуги предназначаются для личного использования, т.е. находятся вне сферы рынка*. Полученные данные позволяют говорить о *преимущественной нерыночности* неформальных экономических практик, иными словами, о натурализации экономической жизни (табл. 2).

Как можно интерпретировать полученные данные? Имеет ли место архаизация хозяйств, переход их на самообеспечение? На наш взгляд, возможны две версии происходящего: (1) натурализация хозяйства является *объективным массовым процессом*, провоцирующим уход с рынка многих домохозяйств, которые перестают выступать в роли как продавцов, так и покупателей товаров; (2) *натурализация имеет место, но в гораздо более скромных масштабах, чем это установлено в исследовании*. Преувеличение натурализации может происходить вследствие: а) влияния стереотипов советской эпохи (люди стесняются говорить о том, что выращивают/производят что-либо на продажу, опасаясь осуждения); б) современных страхов, прежде всего, перед налоговой службой.

Доводом в пользу натурализации хозяйства является специфическая пространственная локализация подобных практик: как показывают данные исследования, наиболее склонны к применению неформальных частных практик сельские жители.

Одной из задач нашего исследования выступало определение соотношения частных и публичных практик адаптации. Являются ли они взаимоисключающими или взаимодополняющими? Полученные данные дают основание для вывода о том, что наиболее распространенным способом освоения нового экономического пространства (47,7% опрошенных) является *параллельное использование публичных и частных практик, что не позволяет оценивать эти способы как взаимоисключающие*. Для сравнения: только к публичным практикам обращались 35,7%, только к частным - 16,7%. Можно предположить, что нестабильность экономической среды современной России вынуждает людей диверсифицировать свои адаптационные усилия. По мере стабилизации, обозначения и утверждения рыночных "правил игры"

Использование публичных и частных практик адаптации в группах, отличающихся по субъективной оценке своего материального положения
(в % от числа опрошенных в каждой группе)

Используемые практики адаптации	Категории по субъективной оценке собственного материального положения				
	Полностью обеспеченные	Почти полностью обеспеченные	Более-менее обеспеченные	Малообеспеченные	Бедствующие
Только публичные	58,3	48,3	37,3	24,7	10,7
Сочетание публичных и частных	30,6	40,8	48,9	50,2	50,0
Только частные	11,1	10,9	13,9	25,1	39,3

вполне возможна концентрация усилий в одной из рассматриваемых сфер, специализация как основной способ достижения экономического успеха.

Нами выявлена следующая настораживающая тенденция сочетания публичных и частных практик: параллельное использование или концентрация только на частных практиках наиболее характерны для "неуспешных" - людей, считающих себя бедствующими или малообеспеченными. Обозначается связь использования публичных практик приспособления и экономической успешности (табл. 3).

Остается открытым вопрос о причинно-следственной зависимости использования частных или смешанных практик и экономической успешности. С одной стороны, можно предположить, что обращение к частным практикам происходит в ситуации ограниченности ресурсов, необходимых для успешных действий в публичной сфере. Таким образом, стремясь обрести экономическую стабильность, люди обращаются к тому, что им хорошо знакомо, является частью их повседневного опыта и не требует значительных усилий для приобретения новых навыков или знаний. В этом случае частные практики служат компенсаторами индивидуальной экономической неуспешности. С другой стороны, такие практики в свою очередь могут стать "помехой" для успешной адаптации в публичной сфере: использующий их человек лишается возможности эффективно действовать в этом поле, поскольку используемые частные практики требуют существенных временных затрат, физических и интеллектуальных усилий и не позволяют сконцентрироваться на выработке навыков, необходимых для эффективной конкуренции на формальном рынке труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Этот термин довольно часто используется в адаптологии, хотя практически нигде не расшифровывается.
- ² Такое понимание адаптации подходит и для тех ее способов, которые некоторые исследователи называют пассивными, а мы - практиками минимизации, связанными с сокращением расходов семьи.
- ³ *Успешные адаптанты* - респонденты, использовавшие одну или несколько публичных адаптивных практик и относящие себя к группам более-менее обеспеченных, обеспеченных почти полностью и полностью обеспеченных на шкале оценки материального положения. *Неуспешные адаптанты* — те, кто также применял выделенные нами практики, но относит себя к малообеспеченным или бедствующим. *Успешные дезадаптанты* - респонденты, которые не использовали ни одну из выделенных публичных практик, но тем не менее относят себя к более менее обеспеченным, обеспеченным почти полностью и полностью обеспеченным. *Неуспешные дезадаптанты* - не используют выделенные нами повседневные практики и относят себя к малообеспеченным и бедствующим.
- ⁴ Анализ с использованием структурных коэффициентов показал, что социально-демографическое "лицо" каждой из этих групп сохранило практически те же черты, что были выявлены ранее (см.: [3]). Исключение составляет лишь существенное изменение облика группы *неуспешных адаптантов*. Если в 1999 г. прежде всего специалисты-гуманитарии

определяли ее состав, то сегодня она в большей степени представлена жителями области со среднеспециальным образованием, работающими преимущественно на государственных и акционерных предприятиях. Специалисты-гуманитарии же в большей степени представлены в группе *успешных адаптантов*, хотя и уступают предпринимателям, управленцам, техническим специалистам.

5 Следует сказать, что в этом исследовании ставилась и задача *сравнения темпов и успешности* адаптации в ретроспективе. В качестве точки сравнения был взят 1999 г. (начало нашего мониторинга): мы обладали однородной, т.е. собранной с помощью одного и того же инструмента, информацией. Сравнительный анализ количественной представленности типологических групп по адаптированности показал, что в целом доля адаптантов выросла в 1,3 раза. При этом доля *успешных адаптантов* выросла более существенно: в 1,7 раза. Это говорит с одной стороны о том, что "лед тронулся" - люди все больше *осваиваются* в новой социальной реальности, "принимают" новые условия и правила, а с другой - что адаптивное поведение людей в публичной сфере все в большей степени оказывается успешным. Данный вывод подтверждается и резким сокращением за этот период (почти в два раза) удельного веса *неуспешных дезадаптантов* при практическом сохранении доли *успешных дезадаптантов*.

Респондентам предлагался ряд диад *вопросов* по каждой публичной практике. Первый вопрос в диаде был вопросом-фильтром, который сразу отсекал тех, для кого конкретная практика была нехарактерна; второй представлял собой таблицу, в которой по вертикали располагались варианты, представляющие в соответствии с нашим методологическим подходом конкретное адаптивное поведение и его результативность (искал работу, нашел/не нашел работу), а по горизонтали - выделенные нами временные промежутки. При этом респондент мог осуществлять конкретную адаптивную практику в один или во все временные периоды. Конечно, теоретически такая процедура содержит возможность так называемых ошибок памяти. Вместе с тем высокая значимость для человека адаптивного поведения, выступающего способом решения его жизненно важных проблем, позволяет считать эту возможность минимальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России. М.: РОССПЭН, 1999.
2. *Алашеев С, Варшавская Е., Карелина М.* Подсобное хозяйство городской семьи // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России. М.: РОССПЭН, 1999.
3. *Готлиб А.С.* Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология-4. М. 2000. № 12.
4. *Гордон Л.* Социальная адаптация в современной России // Социол. исслед. 1994. № 8-9.
5. *Беляева Л.* Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Академия, 2001.
6. *Шабанова М.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: Моск. обществ. научный фонд, 2000.
7. *Авраамова Е.* Социальные ресурсы адаптации населения (количественные оценки) // Обзор экономики России. М.: Рабоч. Центр эконом. реформ при правит. РФ, 2002. № 3.
8. *Корель Л.В.* Социология адаптаций. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997.
9. *Олимпиева И., Паченков О.* Неформальная экономика как социальная и исследовательская проблема // Неформальная экономика в постсоветском пространстве. СПб.: ЦНСИ, 2003.
10. *Татарова Г.Г.* Типологический анализ в социологии. М.: Наука, 1993.
11. *Горишков М.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2000.
12. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1999. № 4.
13. *Кларк С, Кабалина В.* Введение // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред.: В. Кабалиной и С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999.
14. *De Soto Э.* Иной путь. Невидимая революция, (<http://libertarium.ru/libertarium/way-02>)